

СО СВОЕГО ШЕСТКА

Дом противостоит пространству,
традиции противостоят бегу времени.

Антуан де Сент-Экзюпери

Под исход июня редакция журнала «Наш современник» отправляла меня в командировку. В Тимонику. К Василию Ивановичу Белову.

Цель командировки?

Писатель, по сведениям сарафанно-порточной почты, эдак прочно-почвенно пропал в деревне. Следовательно: или у него что-то золото намывается и вот-вот на подходе, или уже дивное творение вылеживается на закадычной перине – на сосновой столешнице.

Меня, землю-земляка и шапочно-ушаночно знакомого с кудесником, посылали, дабы возвратился я окрыленный. С неперменным неизвестным еще страждущему открытий миру «шедевром». Только «гром победы»! Иного не предусматривалось. Тащи, мол, из-под вологодского куркуля рассказ либо повесть, даже если он станет локтями упираться! – имел я решительный наказ.

В те литературно-книголюбивые годы все столичные издания тянули ошеломленного читателя за полы к себе. Не желал отставать и самый лепно-ленивый. К каковым «Наш современник» никогда не принадлежал.

Он надеялся служить читательским компасом. Он боролся за читателя. Он искал броские, но без тени вызова, формы подачи проповедуемой им национальной культуры.

И речь как раз о текущей трепетной находке.

Немудрящая задумка целеустремленно-живчиковой редколлегии была очевидно благая. Ядром одного из годовых номеров делать фигуру известного живоплодящего, то есть не из почивающих на былом, писателя. Помещая с пылу-жару новое, в меру перченое, его произведение. Давая просторную добротную аналитическую статью о творчестве маститого литератора. Не забывая очерковой зарисовки о нем же (либо интервью – с ним же, а может быть, с кем-то из сотоварищей по усидчивому цеху). А также, предоставляя глазастому читателю любопытные фотографические изображения ваятеля словесности.

Наперед сообщу, что замысел сей «Наш современник» несколько лет подряд удачно и нешаблонно осуществлял. И всегда – как-то! – я оказывался тут как тут.

Картами «наших стратегов» ударная роль первопроходца предназначалась в нем Белову. И, полагаю, не только из соображений, что его фамилия начиналась со второй буквы алфавита.

Итак, поезд без непредвиденных происшествий доставил меня ретиво в Харовск. Где, отыскав редакцию районной газеты, выморщил я у редактора разъездной, безотказно битый «козлик». На коем, стойком мазурике, по топям бездорожья – это летом! – доползли мы с водителем на брюхе до Тимоники.

У Беловых шофер не согласился ни на хозяйкин «перекус», ни на «чай». И был таков!

О духовно сытном пребывании в хлебосольном отчем гнезде писателя мною прежде с прямым прилежанием излагалось. Желаящие могут с малыми усилиями глянуть¹. Поэтому не буду повторяться.

И «добытчиком» я воротился. И наградными словами меня обласкали. И я удовольствовался дыркой без ордена, как если бы оный был свинчен из бережливости. Гордость меня стройнила и распирала лопатки.

Важнейшей частью командировки оказалась та стопка бумаги, на которой отпечатался беловский почерк. Поверх машинописи, в паучках-вставках.

Хотя ни полрассказа не залучил я у деревенского сидельца!

Поверьте исповедующемуся, даже тютелькой жалости не ожалелся, что не представлю Москве ни короткой повести, ни беглой зарисовки!

Ведь Василий Иванович будет явлен перед жаждущими подлинного целебного родного слова новой, досель неизвестной, яркой гранью самобытного дарования!

У меня на руках первые главы его «Лада» – «Очерков народной эстетики»...

Мажорное повествование, кажется, до конца выбрано. Далее предстоит и с кочками, и с печальями.

От Тимоники пройдет-отмерится несколько месяцев. И сердитый Белов станет выговаривать мне, что-де поторопился он их мне передать, делать этого никак не следовало, очерки в нынешнем виде никуда не годятся. Рукописи год-другой надлежало находиться «под спудом». Да и продолжение начатого проблематично: «то ли – не то ли»...

Наехали на кочку! Значит, считаю необходимым объясниться. Объяснять потребуется, в каких условиях передавались автором те начальные главы «Лада».

---

¹ Наш современник. 1979. № 10.

Во дни моей гостьбы в Тимонихе произошло печальное для нашего семейства событие – скоропостижно угасла Пелагея Кирилловна Пикина², сестра моего деда Ивана Кирилловича, расстрелянного в 1937 году в Новгороде Великом за принадлежность к христианскому братству³.

Тихо и бесстрашно отошла в обитель Божию славная представительница славного рода Пикиных, древнего боярского рода, появившегося на Севере Руси в начале XV века. По поручению сына Дмитрия Донского, Андрея Дмитриевича, князя Верейского и Белозерского, старший дружинник Есип Иванов Пикин был отправлен своим повелителем управлять Белозерским княжеством. Куда незамедля и перебрался. Ставка его находилась на реке Шексне в поселении Княжий Городок, что верстах в пяти от Кирилло-Белозерского монастыря. Кому доводилось вникать в документы монастыря, тот нередко встречал упоминание Есипа Пикина и сына его – Юрия.

В «Подлинных боярских списках 1626 года»⁴, среди звонких Пожарских, Ромодановских, Воронцовых, Головиных, Барятинских, Волконских, Татишевых, Аксаковых, Бердяевых, Бестужевых, Буниных, Вяземских, Грибоедовых, Киреевских, Кутузовых, Мусоргских, Пушкиных, Пуциных, Раевских, Рахманиновых, род Пикиных также не обойден записью.

Конечно, мой долг, пока топчу землю, успеть рассказать о нем. Я и добавляю. Крупицу к крупице. Надеюсь, что мое «Родословие» когда-то да примет наконец приличествующий вид. И мне удастся его обнародовать.

Сейчас останавливаюсь на краткой справке.

Пелагея Кирилловна, белая опрятная бабушка, «бабуся», была нашей старейшиной, нашей «связной» с поколениями предыдущих веков. Ибо мы, четверо братьев, доподлинных своих бабушек и дедов никогда не видывали. Частично вследствие надтреснутого времени.

Она о чем-то четко ведала, слыхивала некие исторические предания, что-то хотя бы смутно восстанавливала о тех или иных далече отстоящих сородичах. О которых безжалостная власть требовала прочно и навечно забыть.

Мы же умоляли «бабусю» – памяти и памяти! – Она старалась.

---

² Дата смерти – 25 июня 1979 года.

³ Арестован в ночь с 16 на 17 октября. Расстрелян 2 декабря 1937 года.

⁴ Кстати, найдем там и родовую Ленина. К примеру, в списках по 950 чети, относящейся к Смоленску: Иван Петров, сын Ленин. У Иосифа епископа Киевского в приказных. Написан в московский список. Владимир Ульянов, укрыв паспорт у вологодского дворянина, присвоил и старинную фамилию. Ульянов тогда спер чужое, и ныне, я думаю, на его примере надо учить детей, что воровать плохо.

Пелагею Кирилловну отличала природная чистоплотность во всех проявлениях и принципиальная неконфликтность. Еще она не подозревала о существовании ничегонеделания. Труженица по неумению не быть ею.

Всчасно и напряженно она пеклась об украшении жизни и быта. Хотя чем-то.

Какие веселые настилали мы на пол половики! Подушки с кружевными наставками и вышивкой! Да и тьма постельного белья с кружевом!

А скатерти и «накрывашки» цветной вязки! А сколь облачны были пирины, начиненные мелким куриным пером-пухом!

А теплые зимние рукавицы! Наделенные пришитыми сказочными героями!

А рыбные пироги с «неожиданностью»! Мелким даром. О чем предупреждали. Дабы не подавился.

А..! А..! Нескончаемое «А»...

Бабуся представляла образец всеумения в любых женских рукоделиях и ремеслах.

Запасец пословиц, поговорок и метких местных словечек Пелагея Кирилловна имела преизряднейший.

Когда-то она всех окрест побивала в пашки. И теперь нехудо расправлялась с моими братьями Сергеем и Николаем.

Бабуся памятовала все праздники церковного календаря. Исполдволь и ненарочито учила нас молитвам.

Также непоказно и тишком была она пристрастна к вдумчивому «полезному» чтению. И вовсе без привязки к единому церковному. Устроится себе, водрузив на нос очки. Непременно где-то в уголке. Ну, нет ее, да и только!

Что-то не упомяну, чтобы на нас, детей, она повысила голос. Да и никогда не навязывала нам свое присутствие. Оттого, должно быть, от нее никогда бы и не отходил.

Мы обожали «свою бабусю». И с долей некоей игры иногда выказывали ей наше обожание. Тогда она приятно и непонарошку смущалась.

А порой мы даже включали ее в свой «детский секретный круг».

С ней запросто и незапретно пошутковать, повесельничать, искренне посмеяться. При этом мягкость и уважительность непременно.

И вот...

Моим родственникам в Череповце довели до сведения, что я «у Белова». И секретарь редакции, добрая «акула» в энциклопедической профессии, видимо, направила их на подходящий путь моего отыскания.

Понятно, в 1979-м никакой мобильной связи в помине не существовало. Череповец принялся тормозить телефоны самые обычные. Упорно. Пожалуй, за дело взялась тетушка Екатерина Ивановна.

И меня пашли.

Ближе к вечеру в избу к Беловым втолкнулась какая-то слегка запо-
лошная женщина. С вопросом: такой-то и такой-то где? Телефон-де на
фельдшерском пункте кричит. Немедля к разговору!

С упавшим сердцем я побежал за ней.

Тетушка скупо сообщила: послезавтра похороны. Ждем!

Воротился я к Беловым с серым и никаким лицом.

Анфиса Ивановна, мать писателя, пообмерла. И, естественно, почти
беззвучно спросила:

– Что стряслось?

Обычно в подобных ситуациях я или замыкаюсь и из меня слова не
вытянешь, либо во мне сносит «плотину» и я выговариваюсь. Длинно.
Громко. Возбужденно.

Проявилось последнее.

Отрывочно и бессвязно, часто не то – и совсем не то, – начинаю объяс-
нять ей и Василию Ивановичу, кто такая Бабуся, то есть Пелагея Кирил-
ловна...

Более, наверное, Анфисе Ивановне. Потому как вижу, ей это важно.
У нее непроизвольно и жалостливо шевелятся пальцы.

Говорю, бабушка моя, как у всех бабушка, Мария Александровна,
умерла молодой. Тетя Маруся, она маленькая была, с горшка еще объявила:
«А сегодня мама умрет». Она после бани, а на мороз чего-то неугомонно
выскакивала... Ну, и умерла горячкой.

Оставила на дедушку, Ивана Кирилловича, трех малолеток-дочек.
Мать моя – одна из внезапных сирот.

Тогда-то сестра деда, Пелагея Кирилловна, – а на выданье была и же-
нихов ворох, – и отрезала: не выйду-де замуж, буду лишь помощницей
брату. Что и исполнила пожизненно!

На пикинское исправное хозяйство зуб пьяная гольтымба имела. Хотя
кому только и чего только дед не раздавал по милости!

Деда шухободская советская власть признала кулаком. Он добровольно
одарил эту вечно голодную власть всем, что честно нажил. И налегке с
детьми и сестрой двинул в Новгород.

В Новгороде Пелагея Кирилловна работала на железнодорожном
вокзале, в камере ручной клади. В 38-м году ее, как и годом ранее брата,
арестовали. Обвинение было нелепого нелепей: будто, если грянет война, у
нее в намерениях вредительски сжечь вокзал.

Подлинный мотив: и она, и брат ее являлись общинниками православ-
ного христианского братства епископа Макария (Опоцкого).

Она зывала к остаткам разума своих палачей, твердо, терпеливо и спокойно обличая вздорность их обвинений.

И – слава Богу! – они, поуправшись десять месяцев и понаиздевавшись, сдались.

Ворота тюрьмы для нее недовольно-скрипуче отворились⁵.

Когда же наяву случилось нашествие немцев и ее племянниц погнали на работы в Германию, Бабуся, – а для них еще и Крестная, – самопально к ним присоединилась.

А была она так непонятлива к чужеземной речи!..

... и ее били. Били!

Тут мне изменили остатки выдержки. Я шумно и невзросло разрыдался.

Тотчас и устыдившись.

Анфиса Ивановна осторожно тронула меня за рукав. Принялась простежки и не по-чужому утешать. Мол, не убивайся, все под Богом ходим. Не нами решается.

Василий Иванович, стянув брови к переносице, туда-сюда измерял горницу. Слышалось его глухое «мда!», «мда!».

В прежних моих планах было еще погостить. Но теперь я изронил: с зарей ухожу.

Должен поведать, Белов в предыдущие дни охотно знакомил меня с предметом интересов, который его ныне занимает.

Выкладывал папки с архивом. Даже черновой чертеж будущего творения передо мной разложил. Водил меня куда-то. Показывал что-то.

Рассуждал. Тратился на эмоции. Обобщал. Делал выводы.

Но не дал знать, воплощено ли что-либо в материале. Не предоставил взгляду даже частицы сотворенного, если таковое существовало.

Вечером я был уверен, что убываю не солоно хлебавши. И провалил свое первое серьезное редакционное задание.

Чуть свет я уже на ногах. И готов к дороге.

Анфиса Ивановна принудила меня к завтраку. Мол, негоже обижать хозяев.

Василий Иванович вышел, когда я допивал чай.

И вот на верхосытку к завтраку Белов и вынес мне рукопись с первыми главами «Лада».

Чтобы Москва меня не ругала. И дабы утешить придавленного горем. Подобного он, конечно, не произносил. Подал – бери уж!

---

⁵ Целагея Кирилловна Пикина пребывала в тюрьме с 11 июля 1938 года по 7 мая 1939 года.

Вы слишком меня охорашиваете, если полагаете, будто я такой умный, что сразу все понял-просек. Годы понадобились, пока я тогдашний поступок его слезно раскусил.

Спустились из избы. С Анфисой Ивановной наскоро троекратно приложились губами к щекам. По-заведенному!

Василий Иванович пожал руку:

– Кабы тебе, парень, на центральной усадьбе у нас не насидеться! Тогда тебе правление. И безо всяких контузий!

Оговорился он для дополнительного толчка мне...

И где она – Тимониха? Тимонихи уже не видать.

Шага не сбавляю.

Пешедралом домахал я до Азлы, центральной усадьбы колхоза. Для статистики – восемь километров.

Сижу возле какого-то казенного заведения. Либо магазина, либо почты. Память моя нынешняя чего-то не уточняет. Либо на камне, либо на бревне. Жду попутной машины.

Сижу, стало быть...

Подходит ко мне мужик. Подает руку для приветствия:

– Здорово, Василий Иванович! Уезжаешь?

– Уезжаю, – отвечаю. Не объясняя почему-то, что я – не Белов.

Мужик продолжил продвижение по собственному маршруту. Я сижу. Ошарашен малость: как же он так обмекнулся?

Позже выяснилось диковинное. Оказалось, что лепкой головы и чертами лица мы действительно с Беловым несколько схожи.

Любопытствуете, как выяснилось? Сперва на Куликовом Поле.

1980 год был для Поля юбилейным. 600 лет со времени знакового великого сражения.

Редакция «Нашего современника» наняла автобус, выхлопотала на него у министра культуры РСФСР Мелентьева пропуск (такие были введены строгости). Совсем нескромно добавлю, что за пропуском был поход мой, хотя председателем профкома редакции я стал позже. И отправилась на торжества. К ней «присоседилось» и несколько сотрудников «Комсомольской правды».

Да, министр Мелентьев, выписывая пропуск, просил передать от него личный привет Белову, если он «окажется с вами».

И он-таки, на мою голову, оказался...

Русский журнал на юбилее, как и положено, с русским народом.

Вдруг во время торжественного мероприятия ко мне подлетает несколько человек с какими-то книгами. И просят у меня автограф. В недо-

умении я от них отбрыкиваюсь, потому как знаю, что ничего достойного такой чести мною еще на литературном небосклоне не явлено.

А редакционные наши уже уразумели, в чем дело. И подкалывают меня. Василий Иванович, не ломайся. Отбрось инкогнито. Люди тебя изобличили. Не сочти за труд расписаться.

Хорошо! Уломали!

Размашисто царапаю свою фамилию.

Народ доволен. Ведь начальные буквы у нас совпадают, а что за ними – поди разбери...

И другой случай, как оное наложение выяснилось.

Запечатлевал меня в глине череповецкий скульптор Александр Шебунин. Тот, что поставил на постамент в Вологде Николая Рубцова со знаменитым чемоданчиком рукописей, всем земным грузом поэта.

Отпозировав мучительные часы, я отправился восвояси. А изображение, естественно, так и осталось у него на рабочем станке. И стали тогда посетители у скульптора спрашивать: а Белов-то когда же тебе, Александр Михайлович, позировал?..

Извините меня за вынужденный небольшой отскок в сторону.

Сижу, значит, я в Азле. Машина попутная до Харовска не вдруг случилась.

Правление колхоза я уже несколько раз собирался «теребить». И – не могу чего-то!

Дуюсь на себя. И совестно.

А время мимо, мимо...

Нервы перетирались, перетирались. И притупились.

И я в рукопись «Лада» окнулся.

Двойка она меня поразила – широтой замаха и простотой изложения. Таковая простота – лишь от глубины знания и понимания предмета.

Экое сокровище я в стольный град везу!

Затем было томительное ожидание поезда в Харовске. Следом – разные несуразности в Вологде.

Короче, в Череповец я докарабкался только на поминки.

На два дня бездвижной тишины задержался в милом городе у родных.

У свежей могилы просил прощения. Понятно, не за одно лишь опоздание.

И таким пере-перенаселенным показался мне Ярославский вокзал столицы после этого.

На службе заместитель главного редактора Леонид Анатольевич Фролов имел было желание спросить с меня за «самоволку» в Череповец. Но, получив ершистый отпор, немедленно извинился.

Да и его нахмуренная переносица, понемногу в это вразумляешься, не более как административная поза. По секрету: он не столь начальник, сколь хотел бы казаться. Неистребимая человечность его подводит.

Сразу же в «Нашем современнике» воцарилось радостное ожидание. Станем-де удивлять литературную ойкумену «северным отшельником».

Меня вытолкнули в центр радостного круга.

Не теряя ритма, я нанес визит в АПН (агентство печати «Новости»). Ознакомился там с фотографическими кладовыми. Отсек, посвященный писателю Белову, к моему удовольствию, оказался обширен и многообразен.

На свой вкус отобрал фотосюжетов 30. С запасом.

И, пока «генеральный штаб» редакции изучал счастливо свалившуюся на него рукопись, я, высунув от усердия кончик языка, вдохновенно корпел над своей путевой зарисовкой, озаглавленной «Путешествие в будущую книгу». Мне очень хотелось, чтобы она вышла лучше, чем я умел.

Двенадцать страниц, высветившихся в результате трудных и бережных родов, получили право на жизнь. Властью вышестоящих.

Тогда главный редактор Сергей Васильевич Викулов вызвал меня на кабинетный ковер. В обстановку многозначительных пауз. Видимо, свойство подобных кабинетов.

Я ждал – он медлил.

Я еще ждал – он еще медлил.

Наконец медлить Сергею Васильевичу стало невмочь. И он передал мне «Лад» на редактуру.

С нешутивным напутствием – «не опростоволоситься». И – «угодить». Ему и Белову.

Викулов приземлял слова раздельно. И безукоризненно четко. Артикуляция у него была почти военная.

– Справишься ли? Василий Иванович – это, так сказать, уже не я. Напортачишь чего – рукопись у нас отберет.

Не оробев (вообще-то, перед Викуловым положено было робеть), я обещал, «как немога постараюсь».

– Ну! ну! – то ли скептически, то ли удовлетворенно.

Пожалуй, кабинет я покидал чуток пришибленный. Да спасибо тому моему возрасту, когда долго не задерживаешься на унылом самоуничтожении.

Чего мне в плюс?

Тема целостного упорядочивания русской народной жизни всегда занимала меня. Особенно в варианте до 17-го года. Мною было проштудиро-

вано изрядное количество исследований. Прежде всего, касаемо Архангельской, Вологодской и Новгородской губерний.

Пристально вглядывался я и в то, что от этой целокупности осталось, несмотря на бешеные усилия большевиков «до основания» разрушить. Ведь крепехонек, ядрен наш «лапотный» народец! Одно из зубов, два в уме!

И, конечно, я, как, полагаю, и многие нутряные россияне, никогда не утрачивал надежды, что наступят годы восстановительных работ.

Кажется, Белов к ним и приступил.

И ведь как мудро повел дело! С разговора не о частностях. А все частности увязав с красотой мироздания.

Красота мироздания России – вот неотложная задача на длительный период восстановления после обвальная разрухи. На правах наследования. То есть «след», налаженный до нас, и есть «направление». Стало быть, «ясно, куда идти».

Раздраю многовекторности, выбору мнимой свободы, возможной только при «хаосе» (о чем предупреждали нас античные эллины), противопоставив несвободный организованный «космос», «лад». Где «правильная организующая» – Красота. Она – и Бог!

А самые наисовременные технологии, если не встраиваются в коренной «лад», для России негожи. Красоту урочат!..

Прикасаюсь к редакции.

В начальных главах, при всем моем рвении, но и святости текста, редакция была минимальной, так чуть-чуть «марашек» и «оплошностей» (они случаются и у самых непогрешимых). Глаз у автора, хоть на йоту, а «замыливается».

Чувствовалось, что Василий Иванович тщательно и неоднократно сам, с придирами, прошелся по написанному.

Неизбежное – неизбежно!

Наступил день, когда у меня на руках были гранки рукописи. Надо передать их Белову на просмотр и на подпись.

Узнаю, что писатель с женой отдыхали где-то на юге и через Москву самолетом планируют добраться до Вологды.

Ага! Мне уже известен день и час, когда они будут в аэропорту Быково.

У меня в компаньонах Владимир Крупин. Просто для того, чтобы поблагодарить старшего товарища за добрый отзыв о нем (чему в «Путешествии» уделен целый абзац, Крупин знает).

Позже Крупин сам побывает в Тимонихе. И уже поделится со мной свежими впечатлениями.

«Смотрю, у Василия Ивановича в нагрудном кармане целый набор шариковых ручек. Удивился, но не спросил у него: зачем?»

И вот гуляем мы возле деревни. Подходит к нам мужичок:

– Бывайте здоровы!

Мы его поприветствовали.

– Я, Василь Иваныч, до тебя, – говорит мужичок.

– Что такое?

– Пропиши-ка ты, Василь Иваныч, мою жизнь.

– А ты сам чего, ведь грамотный?

– Да я...

– Может, у тебя бумаги нет?

– Бумага есть. Да я...

– Верно, ты ручки не имеешь, – заключает Василий Иванович и одаривает изумленного мужичка шариковой ручкой.

Мы идем дальше. Белов улыбается. За неделю он раздал весь набор.

И ведь, Саша, знают, что не угодливого борзописца просят, а человека, пишущего только правду! Это надо заслужить».

Но до того, как Крупин «побывает», еще дожить надо.

А теперь, одухотворенные, светлоокрашенные, отстукиваем версты на электричке. Предвкушаем утоление некой соборности праздником встречи.

Застаем Василия Ивановича и Ольгу Сергеевну перед выходом на летное поле. Двадцатичетырехместный самолетик не требует долгих регистрационных проволочек.

Белов вроде рад нам: «О, ребята!»

Крупин, размахивая руками, спешит со словами признательности. Василий Иванович улыбочиво и добродушно уклоняется, чего там!

Как будто бы моя очередь. Протягиваю гранки.

Словно совершаю что-то недозволенное. Белов резко меняется в лице. Он сердит, гневен. Листы с размахом брошены наземь.

– Не возьму! Поспешил я! Это понятно? Ничего еще не готово! И, Саша, разговор закончим!

Затем безапелляционным приговором:

– Передай Викулову, это – худо! это – никуда не годится! Это понятно? И этого печатать нельзя!

Вот те раз!

Ольга Сергеевна меж тем бережно подбирает гранки (их целый свиток). Прячет в сумочку.

И подает мне знак: все улажу!

Праздник крикнул! Неловко-несуразно прощаемся с Беловыми – легкого полета!

Представьте себя на моем месте!

Крупин также в смятении и крепко расстроен.

В гастрономе берем бутылочку «успокоительной». А в хозяйственном покупаем два граненых стакана: выморочные пролетарии!

И чуть было не совершаем глупость. Раздухарились с горя! Владимир Николаевич был еще тогда способен на глупости.

Деньги почему-то у нас «звенели». Решаем сверх граненых стаканов приобрести в магазине два табурета. Дабы было на чем на пустырьке в кустах расположиться. Допьем, мол, а мебель оставим следующим бедолагам.

Благо табуретов не оказалось – кресла. Что, конечно, перебор.

После второго «успокоения» Крупин предположил, что не все потеряно. И жены – великая сила. Вскоре убедисься!

Я согласился до «вскоре» иметь надежду. Владимир Николаевич напомнил мне, что так и зовут его любимую жену.

Третья, естественно, у нас была: да сбудутся Надежды!..

И они сбылись.

Викулову, разумеется, я пока не доложил о полном провале. Пускай Василий Иванович сам его извещает. Тогда-то с треском и захлопнутся за мною двери «Нашего современника».

Лександр! держи удар! Кресло на Писемского не твое!..

Почтой вернулись гранки. Подписанные Беловым. Без единого замечания.

Ходи нога! ходи нога! А любви-то «все возрасты покорны»!

Ай да Ольга Сергеевна! Волшебница! Истинно-истинная Муза! Спасительница!

Вновь бы Крупина! Да в гастроном!..

Честно говоря, до поры до времени я грешил на некий внезапный каприз, захлестнувший Белова.

Лишь с годами да с грузом опыта открылось мне: а ведь Василий Иванович чрезвычайно боялся публикации самой первой порции «Лада». Насмешек страшился. Насмешки, по жизни, оставляли в нем незаживающие раны.

Сами посудите, он на тот момент признанный мастер рассказа. Да и повести. И нате-ка – народная эстетика! Это, батеньки мои, попахивает большой, подлинной философией. Что? Вообразил себя Аристотелем? Гегелем?

А как заулюлюкают над простодушным?

Белов не был уверен, за свое ли дело взялся. Поди, кошки скребли по душе?

Слава Богу, неопределенность не сильно затянулась!

Наконец увидел свет десятый номер «Нашего современника» за 1979 год.

Внешне Белов отреагировал нарочито: пушай себе, ему все равно. Не его порыв, его вынудили. Эти «немедля» и скороспелость – не по нему!

Но с трепетным холодком в сердце готовился к отзывам.

Они нахлынули разом и шумно.

И практически единодушно было отмечено неординарное, свежее и событийное деяние Белова в художественной жизни страны. Как творцами культуры, так и академической науки. Даже теми, кто прежде относился к писателю, мягко говоря, с прохладцей.

А как рядовой-то читатель охотился за номером!

Приходили в редакцию, убажительно выпрашивали. Что-нибудь из резерва? Нас-де целый коллектив. У нас ведь куча родственников...

Общество тайлось – желало подобного разговора! И именно в избранном писателем ключе.

Понять, что в нем угнетено, но что в нем также и заложено. Дабы напяться и...

То и Василий Иванович вскоре уразумел.

Он отложил на потом иные черновики. И целиком сосредоточился на «Ладе».

Я на несколько пружинных лет стал редактором Белова. Что, разумеется, не отменяло текущей редакции по журналу.

Понятие «редактор» в «Нашем современнике» являлось специфическим. По крайней мере, мне не известен более ни один пример, чтобы оно так трактовалось.

Трактовку последовательно-волевым своим решением ввел Сергей Васильевич Викулов, который, не ошибусь, на вполне законных основаниях мог изречь: журнал – это я. Правда, мол, с некоторым довеском.

Она, трактовка, заключалась в следующем. Если какой-либо материал принят редакцией к публикации, то за все художественные огрехи автор не несет ни малейшей ответственности.

За все огрется-спросится с редактора!

И за любой «ляп» смех будет отнесен не на счет того, кто его буква к буквке внес в текст, а адресоваться тому, кто не поправил «ляп» до убывтия в типографию. Ты, дескать, прохлопушка, пошто разязывал!

Да кабы только ляпов сие касалось!

Материал, пусть принятый по актуальной «дозарезности» и слабый по своему литературному качеству, на выходе должен отвечать высокому уровню журнала.

Поэтому редакторы трудились «папыкарлами». Некоторых хватало ненадолго. Их с удовольствием переманивали в другие издания. Потому как школу здесь проходили жестокую, но первоклассную.

Несправедливость, на мой взгляд, заключалась в вынесении за рамки ответственности самого автора.

Главный редактор, со своей долей правды, утверждал: журнал-де представляет он. И спрос с него, а не с популярного N.N., если материал N.N. в журнале.

В те поры ропщущий на «драконовские порядки», позже я превозносил трудную науку. Она водила нас в железной узде требовательности за любое печатное слово.

Мы служили Слову. Не стыжусь заглавной буквы.

Каково отношение вышеизложенного к «Ладу»? Ведь и непосвященному ясно, Белов не из тех авторов, которые выезжают на грамотной, мастеровитой редактуре.

Конечно. И тем сложнее – и дерзостнее! – редактору с ним работать.

Сразу объяснюсь, у нас с Василием Ивановичем, человеком неровного характера и постоянной строгости, не возникло ни единого конфликта, ни одной «непонятки» и заморочки и до завершения редактур и после нее.

«Отлавровированный» Белов теперь, как вол, впрягся в пахоту очерков.

Редакция поторапливала его. Промежутки между публикациями отдельных кусков нельзя делать «мемориальными» – от круглой даты до круглой даты.

Полагаю, для данного произведения такое нависание над автором было подспорьем ему.

Столь почти неподъемные вещи, при наличии и детального плана и папок с богатейшей фактографией, обычно имеют колоссальную тормозящую силу. Малость преодолешь ее, страниц пять–десять осилишь, и вновь тормозящая берет над тобой верх.

А гениальный план и папки с бриллиантами чистой воды, они... Они могут десятилетие погребаться пылью. До очередного ударного усилия.

А с учетом того, какие общественные потрясения надвигались и с каким кипитком принимал их Белов, «Лад» – не дай Бог! – так бы и не дотянул даже до середины.

Нет! Дыхание за спиной было для Белова благодатным.

И листы с его письменного стола немедля улетали в редакцию.

Но... Когда труд «непрерывным запоем», то, согласитесь, огрехи неизбежны и у самого придиричивого к себе. Просто в силу дробности ежеднев-

ных работ и невозможности остановок на охват «с птичьего полета». Да и «на гора» выдается столько, сколько «умная рука» осилит.

Орехи не смертельны, но неприятны.

Профессионально поставленный редакторский глаз изловит их без особого напряжения, если они литературно-стилевые. И может, дважды два, упустить, если содержательные. Тем более в таком цепетильном предмете, как народная эстетика.

При литературно-стилевых я предлагал Белову вариант. Который выныривал только что не под колыбельную.

Профессиональная работа держала меня под высоким напряжением. Тем самым строя во мне внутреннего человека. За что Василию Ивановичу отдельный поклон.

Практически со всеми моими вариантами Белов примирялся.

Важнее того, думаю, не без их влияния, писатель сам загружал меня записочками с требованиями в том-то месте то-то исправить на...

Признание орехов и самолюбие призвали его, пусть и после небольшого срока, к повторному прочтению написанного с максимальной отстраненностью.

(Мне бы, дурню, записочки-то те сохранить. Эх, задний ум! задний ум!)

Сложнее обстояло дело с орехами содержательными. Но и тут нашелся выход.

Жена моя училась на филологическом факультете МГУ и посещала этнолингвистические семинары академика Никиты Ильича Толстого. Она и курсовую, а затем и дипломную работу писала у него. На материале похоронного и родинного обряда Череповецкого и Шекснинского районов Вологодской области*. Материалы в значительной степени были собраны ею. В иных вылазках супруги принимал участие и я.

Памятны, ох, памятны, проникновения наши в глухие деревни, куда зимой ведут либо заячьи следы, либо лыжня!..

Жена познакомила меня с академиком. У которого, при его долгой шелковой бороде, оказался совсем детский смех.

При его попустительстве я стал у Никиты Ильича частым гостем. Брал у него книги. Кстати, на несколько лет «Словарь череповецкого уездного говора» Герасимова. Мы подолгу беседовали. Видимо, я для него был тоже чем-то интересен.

---

* Дипломная работа Н.А. Брагиной «Диалектная лексика обрядов семейного цикла (родинный и похоронный) Череповецкого и Шекснинского районов Вологодской области» введена в научный оборот Б.А. Успенским в его «Филологических разысканиях в области славянских древностей» (Изд. МГУ, 1982 г.).

Позже я предложил академику Толстому возглавить Международный фонд славянской письменности и культуры. Он не без раздумий и колебаний согласился. Его письмо об отказе от этой должности, когда в Фонде случились разброд и шатания, до сих пор находится у меня.

Конечно, вы давно уразумели, к чему я клоню.

Толстой оказался «повязан» с Беловым. Хотя сам он никогда о подобной «связке» не ведал.

Растолковываю.

Когда некий кусочек в «Ладе» казался мне «мутным» либо вообще вызывал сомнение, я обращался к Никите Ильичу. Он или убеждал, что Белов прав (т.е. «я» прав, излагая дело «по Белову», ибо академик не интересовался, с чего вдруг меня подобное занимает, он привык к бесконечным вопросам студентов по самым разным поводам), или прояснял «мутность». Тогда Белов получал от меня содержательный вариант.

Их он также никогда не оспаривал.

Василий Иванович ни-ни не пронохал о Толстом. А то ведь, не ровен час, мог бы счесть за обиду. Хотя мог бы и не счесть.

Да мне, поверенному журнала, рисковать не позволялось.

Расскажу об одном курьезе, связанном с походами к Толстому.

Помню, как-то явился к нему. А он руки удовольствованно потирает. И говорит: мол, ему сербы домашнее вино презентовали. Дескать, а не угоститься ли нам?

И, среди книжной чинности, выставляет на стол бутылку пяти-семи литров. Куда как ненашенскую!

– Ну, по каплюшечке!..

Да и «накапались» мы. Не вспомню сколько. Вино виновато: отменно-замечательное.

Затем и до неразрешимых вселенских вопросов в любомудрой беседе дошли. Случился такой прорыв.

Провожает меня Никита Ильич. И напутствует:

– Вы уж, Александр Евгеньевич, нынче на работу не ходите. Умоляю! Скажите им: у вас производственная травма...

Ух! Опасной бывала у меня иногда эта редактура!

Однако очерки лепятся к очеркам. «Лад» мало-помалу обретает законченность конфигураций.

И по мере продвижения объемного творения растет у Белова доверие ко мне. И как к работнику, и как к человеку.

Редакция же временами начинает вести себя как разборчивая невеста. Иные куски рукописи уже изымаются. Уводят-де несколько в сторону «красную линию». Либо «выпячивают» излишнюю детализацию.

Прежде несговорчивый Белов ныне покладист: изымайте!

И разрешает мне, без предварительных согласований с ним, пристраивать «неугодившие ладушки» в другие издания. Так появляются публикации в газете «Литературная Россия», в журнале «Сельская новь». Которые я, по просьбе названных редакций, вкратце препровождаю.

А однажды Василий Иванович делает мне подарок, какой не делал никогда и никому.

В очередное пребывание в стольном граде он пригласил меня в свой номер в гостинице. Не укажу, была то «Москва» или «Россия», он без всякой системности останавливался в обеих. Тогда они служили законным приютом для писателей.

Пригласил и, глядя как-то исподлобья (признак, что нервничает), подаст мне пять совершенно чистых листов. В конце каждого листа голубые прожилки его подписи.

На мой непонятливый взгляд Василий Иванович путано и косноязычно (признак, что объяснения хотя и нужны, но лучше бы их избежать) говорит:

– Чего-чего?! Тебе! Вдруг припрет где. Можешь!.. От моего имени. Не отказывайся! Бери в конце концов!..

И я понимаю, что прогневаю его обратным ходом. Наврежу его открытости. Нанесу оскорбление его совести.

И это осторожный, с крестьянской предусмотрительной сметкой Белов?!

Как худо мы иной раз знаем людей, с которыми в суете буден тремся бок о бок!

Я принял дар. Благодарить было нельзя.

Те чистые листы убрал я к документам...

В издательстве «Молодая гвардия» приступили к небыстрым трудам по подготовке «Лада» отдельным изданием. Оформление книги было поручено Анатолию Заболоцкому.

Мы и прежде часто виделись. Я навещался к нему в Дегтярный переулок. За чаем (и не крепче), он водил меня по жесткому миру кино, которого он являлся частью, который нещадно ругал и любил.

И в Вологде порой мы оказывались вместе.

А газета «Вологодский комсомолец», летописно отражая дни поэзии, посвященные 50-летию Николая Рубцова, среди гостей на торжествах наши фамилии и вовсе поставила рядом: «заведующий отделом публицистики журнала “Наш современник” Александр Брагин, заслуженный деятель искусств РСФСР, кинооператор Анатолий Заболоцкий».

Действительно, всем он был известен как кинооператор Василия Макаровича Шукшина. И мало кто ведал: Толя – потрясающий фотохудожник!

При этом человек азартный и одержимый. Раз ему поручена книга – все помыслы его о ней!

Тем паче Белов Заболоцкому – редчайший друг. Они буквально проосли друг в друга. И только так понимали дружбу. Когда она – дружба!

Правда, в дружбе той были «ведущий» и «ведомый». Белов – «ведущий». Ну, а Заболоцкий – соответственно...

Теперь, когда ему поручена книга, все разговоры, все идеи и фантазии Заболоцкого толклись на пяточке драгоценного издания.

Многих он утомлял ими. Они сбегали, его завидя. Толя знал об этом. И посмеивался:

– А вот мы во сне еще с тобой договорим!..

Заболоцкий ведь не умел быть иным.

Наши с ним пересечения удвоились. Меня подобные свидания подзажгали энергией. Я был его единомышленник и почитатель. Его зрение не скользило по поверхности, оно просвечивало глубины.

Со своими находками и «новинами» он знакомил меня всюду. Даже в бане.

Оплошал оповестить. Каждую неделю по четвергам мы ходили в баню. Втроем: Заболоцкий, Леша Ванин и я.

Алексей Ванин знаком вам как Петр, брат Любы, в «Калине красной», или как плотный крепыш в «Джентльменах удачи», который кубарем спускает Леонова с лестницы. Он, между прочим, чемпион России по гиревому спорту.

Баня была вблизи метро «Проспект Мира», запомнил ее название.

Заядлый посетитель заведения чистоты, Ванин был нашим «доктором».

В тазике с кипятком он взбивал мыльную пену и помещал туда мочалку.

Затем мы направлялись в парилку. Парились с «оттягом», до «седьмой охорошелости».

Теперь Ванин укладывал нас на соседние лавки. И начинал измываться.

Верхние доски у лавок в том заведении широкие, тяжелые – каменные.

Как Леша измывался? Обыкновенно. Мял нас, рубил, растирал, защищал. Считал сие за массаж.

Опосля доставал из чуть охлажденного кипятка пенную мочалку. И растирал ею наши побывавшие в «мялке» тела. Тела находили это приятным и достойным.

И он на полминуты оставляет нас в покое. Млеем, конечно.

А он, варвар, в эти мгновения набирает в тазики ледяную воду.

Плесь – на одного! Плесь – на второго!

Мы подсакиваем. Наверное, почти к массивному потолку бани.

Но мы так светлы, легки и свободно-летучи.

Нет! Действительно, наши ванны – «лужи»! Как говаривала сестра моей бабушки, полная ее тезка, Мария Александровна (а тезка потому, что родилась после того, как моя бабушка из родительского дома перешла под кров мужа).

И, когда в предбаннике пребываем в ощущениях чистой жизни, Заболоцкий бережно-вдохновенно извлекает из сумки свои небывалые-очередные «новины» к «Ладу».

А что? Разве неподобающее место для «очерков о народной эстетике»? И Толя разве не поэт в порученном ему деле?

Вглядываемся в предложенное им самыми-разсамыми промытыми глазами.

В том благородном, безупречно радостном и полном неувядающей будущности виде, в котором книга явилась миру, Анатолий Заболоцкий, несомненно, соавтор Василию Белову.

Само собой разумеется, нашлось в ней место и чудно-величавым северным пейзажам, отдана дань и гордо-кроткому божественно обретенному зодчеству, в свою очередь установились на отведенных страницах и немарко-тепло-уютные сельские интерьеры.

Но главное – лица! лица!

Тысячи лиц, которыми Заболоцкий заселил фолиант. Лиц из разных времен отечественной истории, лиц, которых ничто не раздражает, а все единит. Лиц – личностей каждого по себе, и лиц – лика целокупной России. Лиц – зеркалами души, лиц «по Образу и Подобию».

И в тех образах-лицах – вера в пребудущую красоту Родины.

А разве какой-то иной Заболоцкий возможен!

Мне инакового видеть не доводилось.

И как же придирчиво-ревностный Белов отнесся к Толиным документам-фотописьменам?

Да именно по-беловски!

Василий Иванович самой нутряной огненной сердечностью оценил вложение Заболоцкого в их общую сокровенную надежду.

Обидно, коли не сбудется!..

Писал ли я тогда что-нибудь свое? Пожалуй, исключительно о Белове.

Бывало и обстоятельства подталкивали.

За рубежом тотчас началось полезное шествие «Лада». Прямо с первой журнальной подачи. Выяснилось: он и им ко времени.

Один наглядный пример.

В Тимонихе Белов упомянул, что вот-де побывал в Великобритании. И останавливался там в доме одного английского историка.

Принял я это к сведению. Авось пригодится!

Каково же было мое изумление, когда в Москве, в редакции, мне довелось нос к носу сидеть с тем самым историком.

Он приехал, он пришел после начальных журналов с «Ладом». Он на восторженных тонах говорил об очерках. Об их нужности ныне. Интересовался продолжением: когда? когда?

Он ушел от меня с колоритными «апээновскими» фотографиями Белова. Без всякой иронии прижимая их к сердцу.

Как вы-то думаете, что мне оставалось?

Но, полагаю, найдутся и такие, которые, кривя губы, скажут: подумаешь, какой-то там англичанин!

А вот и подумаешь. Если старший преподаватель русской истории Эссекского университета Джеффри Хоскинг был составителем сборника рассказов Шукшина, который вышел в 1979 году в американском издательстве «Ардис». И даже перевел для того сборника пять рассказов. Среди них – «Верую», «Жена мужа в Париж провожала», «Залетный».

Если самая полная на Западе библиография Шукшина и о Шукшине – его трудов дело.

Если он автор статей: о традиционной русской прозе (которую у вас, сужая ее значение, называют «деревенской»), напечатанной в 1973 году в декабрьском номере американского журнала «Славик ревью»; о произведениях Белова – в апрельской книжке американского «Рашен ревью» за 1975 год.

Если он пробовал переводить «Привычное дело». Правда, перевод оказался для него неподъемен.

Если он теперь страница за страницей неторопливо и обстоятельно знакомится с «Ладом». Вынужден часто обращаться к словарю, но произведение стоит «такой скрупулезности».

И для него появление у Белова очерков о народной эстетике не явилось неожиданностью:

– Он должен был написать такой труд. Таковую работу. Достойную крупного ученого философскую книгу. Я ждал подобной дерзости. Я лично мало знаю в современной мировой литературе философских книг, как эта. К сожалению, современная философия замкнувшись в узком кругу специалистов, отчасти умерла. А философия – не только сухой язык, сухая абстракция. Это способ жизни. Почему не можно написать о сути, как Белов? Образно. Глубоко. И, главное, доступно.

Можно написать. Мелкому человеку – не можно, крупному – можно. Крупный человек нужен. Конечно, зашифрованный философский манускрипт испечь легче. Прикрыв непонятными словами наготу мысли. Но такие книги кто читает? Кто испек, тот и читает. Он и его приятели. Более никого они не обогреют. И ваш Василий Иванович подает пример, как надо писать философские книги.

У нас в Англии у молодежи, в особенности у студенческой, сейчас повальное увлечение записями бесед со старшим поколением, со стариками. И с деревенскими, и с городскими.

Прежде всего, конечно, записывают бабушек, дедушек и своих родителей. Записывают документально, с их слов. Уговорились, к примеру, внук с дедом, с *grandfather*. *Grandfather* рад интересу к себе, согласился, как это у вас говорят, быть «бывалым человеком», кое-что вспомнить. Настраиваются оба на много вечеров. Дед сидит в кресле, закрыв глаза, воскрешает былые миги и роняет слова. Внук их поймает – и в тетрадь. *Grandfather* начинает с детства, с рождения. Внук чертит на бумаге всю его жизнь. С деталями быта, со всеми житейскими подробностями. Эти записи частью остаются в семейном архиве, частью публикуются. Издаются широко. И популярны. Очень! Сильней – «чрезвычайно»!

Большим спросом пользуются у нас также книги не о всей жизни *grandfather*, а о том, как он ухаживал за лошадьми – это одна книга, как строил дом – другая, и так далее. Понятно?

Жизненный опыт передается из рук в руки. Понятно? Не для того, чтобы вернуться назад, – не можно. Чтобы жить дальше. Понятно? Чтобы не иметь ошибок, которые трудно поправить...

Более подробно с Джеффри Хоскингом и его размышлениями можно было познакомиться в моей любовно выписанной почеркушке. Она, вроде бы, и ныне актуальна.

Материал «Беречь надо память! Для памяти и пишу» вышел в «Литературной России». Затем появился на чешском. Где еще? Слыхал, что где-то были публикации. Не уследил. Тогда с этим затруднения имелись.

Воплотились в слово раздумья мои – «Тезки. О Василии Белове и Василии Шукшине». Также увидели свет в «Литературной России». После чего они оказались в сборнике «Шукшинские чтения», изданном в Барнауле.

Для парижской публики я появился с эссе о матери писателя Анфисе Ивановне.

В «Театральной Москве» высказался о спектакле Театра Сатиры «По 206-й», по пьесе Белова.

Кстати, на премьеру пригласил меня Василий Иванович. Он лично стоял у входных дверей в театр и раздавал билеты своим гостям.

Еще пробовал трудную тему – о раннем периоде творчества Белова. – В стол.

Пожалуй, есть интересующиеся, что случилось с дареными чистыми листами.

Докладываю.

Как-то скорехонько я спохватился: а ведь человек слаб!

И вдруг по этой самой предательской слабости, когда меня обступят мрачные обстоятельства, потянет меня дареным воспользоваться?

Нет-нет! Лад вовсе не предполагает обращения к подобному покровительству.

И они были сожжены.

Замечу напоследок, Василий Иванович ни разу не поинтересовался судьбой чистых листов.

2016 год, д. Лысково

Публикуется в авторской редакции

А.Е. Брагин

д. Лысково Вологодской области

УХА

Horas non numero nisi serenas*

История эта поведена мне Дмитрием Михайловичем Кузовлевым. Собственноручно. С его характерной острой хрипотцой в голосе.

Он, как известно, был не только мастеровито-профессиональным и честным писателем-публицистом, которого за неподкупное слово ценила буйная литературная Москва, но и толково-принципиальным первым секретарем Шекснинского райкома партии.

Блудней, хлюстов и демагогов, которыми кишело тучное духовное пастбище, резко осаживал и сек морально. И с гербастых трибун и в хлебо-сольном застолье.

А на всякий бред и лжу чутье у него было волчье. Оттого и сорвал здоровье. И не дожил до стариковства.

Особо приятельски-доверительно мы сблизились, когда он по болезни покинул секретарство и столик у него в спальне безраздельно тиранили лекарства.

Приезжая из стольного града к деревенскому своему огороду, я обычно на несколько дней зависал в Шексне. Вроде как ритуал некий образовался.

---

* Считаю только светлые часы (лат.)